

УДК 94(470.331).083(091)

«СУХОЙ ЗАКОН» И ЕГО НАРУШИТЕЛИ (ТВЕРСКАЯ ГУБЕРНИЯ, АВГУСТ–ДЕКАБРЬ 1914 ГОДА)

С. В. Богданов

Тверской государственный университет, кафедра отечественной истории,
г. Тверь, Россия

В статье рассматривается «сухой закон» 1914 г. и его реализация в Тверской губернии в августе–декабре 1914 г. Автор исследует опубликованные обязательные постановления о продаже и потреблении спиртосодержащих напитков и следственные дела о нарушении этих постановлений. Анализ обязательных постановлений позволяет заключить, что в России в июле–декабре 1914 г. не было полного запрета на продажу спиртных напитков, но были ограничены ассортимент и места продажи спиртного. Подтверждается факт, что вместо запрещённой водки употреблялись суррогаты, но, как установлено, в небольших количествах – теперь пьянство порождалось исключительно качеством спиртного. Автор приходит к заключению, что «сухой закон» нарушали неимущие, безработные, молодые, одинокие городские жители – выходцы из крестьян, как правило, склонные к злоупотреблению алкоголем.

Ключевые слова: 1914 год, «сухой закон», Тверская губерния, денатурат, «ханжа», алкоголизм, трезвенное движение.

Пьянство считается одним из многовековых пороков русского народа. Так называемый «сухой закон», введённый в России в конце июля 1914 г., должен был покончить со «злом», разъедавшим изнутри российское общество. После запрета продажи крепких спиртных напитков повседневная жизнь населения городов и сельских обывателей, должна была кардинально измениться, отсутствие водки, по мнению инициаторов закона, должно было «переродить народ».

Действительно, первые итоги антиалкогольной кампании не могли не воодушевлять: в печати объявлялось, что потребление крепких напитков сократилось в разы, «вовсе сократилось пьянство в народе», значительно уменьшилась преступность на почве пьянства, почти исчезло «тайное винокурение», повысилась материальная обеспеченность народа. Вместе с тем уже осенью 1914 г. появились статьи о новых формах пьянства и неутешительные выводы: пьянство в народе «вовсе не сократилось». Причины этой неудачи традиционно связывались со стремлением русского мужика к водке.

По теме борьбы за народную трезвость дореволюционными и современными авторами написано довольно большое количество текстов. Тематика исследований затрагивает историю введения «сухого закона» и

борьбы с алкоголизмом в 1914–1917 гг., а также её последствия. Повседневная жизнь городских и сельских обывателей в период действия «сухого закона» в качестве научной проблемы возникла в современной отечественной историографии недавно. В основном речь идёт об исследованиях, ориентированных на дореволюционную периодику и многочисленные труды специалистов в области алкогольной политики Российской империи¹ и региональные материалы². Последние, как справедливо отмечает П. П. Щербинин, в отличие от документов, отложившихся в центральных архивах и средствах массовой информации, содержат данные, позволяющие с большей точностью изучать реалии «пьяной» провинциальной повседневности³.

Введение запрета на продажу спиртных напитков повлияло на повседневное поведение городских и сельских обывателей. Как отмечают исследователи, после введения «сухого закона» водка из сферы открытой торговли ушла в «тайную», получило развитие шинкарство, чему в немалой степени способствовало стремление пьющей публики восполнить потребности в спиртном; массово употреблялся денатурированный спирт, спиртосодержащие вещества (в том числе лак и политура) и других суррогатов; известны случаи применения наркотиков. В результате размах пьянства не уменьшился, особенно «старались» воинские нижние чины; широкое распространение получило самогонование. Однако в целом позитивные социальные последствия «сухого закона» были очевидны: уменьшилась преступность на почве пьянства, повысилось благосостояние сельских

---

¹ Асташов А. Б. Водка, война, революция: борьба с алкоголизмом в городах России в 1914–1917 гг. // Трезвость и культура. 1993. № 6; Мак-Ки А. Сухой закон в годы Первой мировой войны: причина, концепция и последствия введения сухого закона в России: 1914–1917 гг. // Россия и Первая мировая война: матер. междунар. науч. колл. СПб., 1999. С. 147–159; Пашков Е. В. Антиалкогольная кампания в России в годы Первой мировой войны // Вопросы истории. 2010. № 10. С. 80–93.

Astashov A. B., *Vodka, voyna, revolyutsiya: bor'ba s alkogolizmom v gorodakh Rossii v 1914–1917 gg.*, Trezvosť i kul'tura, 1993, № 6; Mak-Ki A., *Sukhoi zakon v gody Pervoi mirovoi voiny: prichina, kontseptsiya i posledstviya vvedeniya sukhogo zakona v Rossii: 1914–1917 gg.*, Rossiya i Pervaya mirovaya voyna, mater. mezhdunar. nauch. koll., SPb., 1999, S. 147–159; Pashkov E. V., *Antialkogol'naya kampaniya v Rossii v gody Pervoi mirovoi voiny*, Voprosy istorii, 2010, № 10, S. 80–93.

² Поршнева О. С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат в период Первой мировой войны (1914 – март 1918 г.) Екатеринбург, 2000; Щербинин П. П. Алкоголь в повседневной жизни российской провинции в период Первой мировой войны 1914–1918 годов // Вестник Челябинского университета. Серия 1: История. 2003. № 2. С. 62–72; Безгин В. Б. Крестьянская повседневность (Традиции конца XIX – начала XX века). М.; Тамбов, 2004. С. 166–174.

Porshneva O. S., *Mentalitet i sotsial'noe povedenie rabochikh, krest'yan i soldat v period Pervoi mirovoi voiny (1914 – mart 1918 g.)*, Ekaterinburg, 2000; Shcherbinin P. P., *Alkogol' v povsednevnoi zhizni rossiiskoi provintsii v period Pervoi mirovoi voiny 1914–1918 godov*, Vestnik Chelyabinskogo universiteta, Seriya 1, Istoriya. 2003, № 2, S. 62–72; Bezgin V. B., *Krest'yanskaya povsednevnost' (Traditsii kontsa XIX – nachala XX veka)*, M., Tambov, 2004, S. 166–174.

³ Щербинин П. П. Указ. соч. С. 63.
Shcherbinin P. P., *Op. cit.*, S. 63.

обывателей, возросли вклады в кассы, изменился «внешний вид» трудящегося люда, в позитивную сторону изменилось положение женщин⁴; с другой стороны, получили распространение такие формы проведения досуга, как карточные игры.

Между тем общая картина безусловно нуждается в детализации, что и определило ключевые вопросы данной статьи: как принятые летом и осенью 1914 г. узаконения о крепких напитках влияли на военную (тыловую) повседневность, кто и как нарушал государственные постановления, насколько «укорененной» в народе была привычка к пьянству? Исследование проводилось на материалах Тверской губернии на основании анализа неопубликованных документов о нарушении обязательных постановлений губернатора о потреблении и продаже крепких напитков. Они отложились в фонде губернского правления Государственного архива Тверской области, и в сочетании с другими материалами позволяют реконструировать реалии провинциальной «пьяной» повседневности.

* * *

29 июля в Тверских губернских ведомостях было опубликовано обязательное постановление губернатора Бюнтинга, основанное на Положении о государственной охране и именном указе Правительствующему сенату от 24 июня для населения всех городов и сельских местностей. В соответствии с ним запрещалось распитие крепких напитков «в открытых местах», появление на улицах в состоянии «явного опьянения» (т. е. когда выпивший просто не мог идти, или шёл, шатаясь из стороны в сторону, толкая публику; строго говоря, введённые в конце июля меры не запрещали потреблять пьянящие напитки) и хранение крепких напитков в количестве, превышающем потребности личного потребления. Это постановление завершалось таким предупреждением: «Предупреждаю население Тверской губернии, что за тайную продажу спиртных напитков, вина и пива, виновные будут подлежать строжайшей ответственности, как лица своими действиями наносящие вред нашей стране»⁵.

О том, что это мог быть за вред можно понять из того, что ещё 25 июля в газете было опубликовано постановление от 24 июля о том, что Тверская губерния переводится на положение чрезвычайной охраны, а 28 июля был опубликован манифест об объявлении войны⁶. В виду этого обстоятельства введённый запрет следует оценивать несколько иначе.

Объявление запрета на распитие спиртных напитков и появление на улице в пьяном виде не было для России новшеством. В период русско-японской войны в России были введены ограничения на продажу алкоголя;

⁴ Щербинин П. П. Указ. Соч. С. 63–65.

Shcherbinin P. P., *Op. cit.*, S. 63–65.

⁵ Тверские губернские ведомости (далее – ТГВ). 1914. № 63. С. 1. Tverskie gubernskie vedomosti (TGV), 1914, № 63, S. 1.

⁶ Там же. 1914. № 62. С. 1.

Ibid, 1914, № 62, S. 1.

по положению 1908 г. о «призыве нижних чинов», подлежали закрытию питейные заведения в местах мобилизации и в пунктах передвижений воинских поездов. Очевидно, что последующие меры следует рассматривать безотносительно вопроса о «борьбе с народным пьянством». Июльские постановления были призваны создать условия для обеспечения должного правопорядка в прифронтовой губернии в военное время – пьянствующая публика, поведение которой было непредсказуемым, вряд ли могла соблюдать порядок на улицах городов и деревень.

Объявления о запрете появляться на улицах в «состоянии явного опьянения» были не единственным способом повлиять на тех, кто потреблял алкоголь, в них же прочитывался призыв к общественному мнению. В одном из выпусков ТГВ была опубликована небольшая заметка под названием «К борьбе с пьянством»⁷. В ней содержалось предписание МВД земским начальникам «разъяснять сельским и волостным должностным лицам» начинания власти и указывалось на возможную ответственность «за бездействие или попустительство». Речь шла о наблюдении уполномоченных лиц за составлением сельскими обществами запретительных приговоров, ибо они демонстрировали «искренность начавшегося поворота населения в сторону трезвости», особенно в дни публичных собраний. Примечательно, что побуждать к трезвости можно было путём лишения сельских обывателей кредитов. В целом по России с февраля по июль 1914 г. правительство утвердило 800 таких просьб.

В Тверской губернии постановления о запрете на потребление крепких напитков в публичных местах, а затем продажу спиртных напитков на протяжении августа 1914 г. повторялись неоднократно⁸. Обязательное постановление от 6 августа стало правовой основой для начала производства дел о его нарушении⁹. Общественность о пролонгации запретов узнавала из прессы. 19 августа в губернской газете сообщалось: запрещается продажа крепких напитков частным лицам, не получившими разрешение, и предложение спиртного распивочно или на вынос в частных местах питейной торговли; частные лица могли при этом осуществлять торговлю виноградными винами – по соглашению с управлением акцизными сборами¹⁰. Это постановление повторялось в номере от 22 августа¹¹.

⁷ ТГВ. 1914. № 63. С. 1.

TGV, 1914, № 63, S. 1.

⁸ Там же. 1914. № 64. С. 1; № 67. С. 1.

Ibid, 1914, № 64, S. 1; № 67, S. 1.

⁹ Там же. 1914. № 68. С. 1; Государственный архив Тверской области (далее – ГАТО). Ф. 56. Оп. 1. Д. 20212. Л. 18–18 об.

Ibid, 1914, № 67, S. 1; State Archive of Tver Region (GATO), F. 56, Op. 1, D. 20212, L. 18–18 ob.

¹⁰ ТГВ. 1914. № 70. С. 1.

TGV, 1914, № 70, S. 1.

¹¹ Там же. 1914. № 71. С. 1.

Ibid, 1914, № 71, S. 1.

Следует подчеркнуть, что полное исключение алкоголя из продажи не предполагалось – ограничения скорее касались ассортимента. Из продажи требовалось удалить только водку и ликвидировать места ее продажи. Как показывают материалы акцизного управления Тверской губернии, общее число мест питейной торговли – казённых и частных – сократилось и затем изменялось ежегодно. Открытие новых пунктов производилось по жребию.

Кроме того, в циркуляре управления акцизными сборами министерства финансов от 12 августа 1914 г. были установлены предельные часы торговли спиртным: в казенных винных лавках – с 9 до 18 час. (в субботные и предпраздничные дни с 9 до 14 час.), в частных заведениях вне городов и вблизи предприятий – с 9 до 14 час. Распивочная торговля могла производиться до 21 часа, а в «прочих частных местах» – до 23 часов¹².

О полном запрещении продажи крепких напитков, произведённых на основе спирта, «до окончания военного времени» местному сообществу было объявлено постановлением Совета министров от 23 августа 1914 г. «О воспрещении продажи спирта, вина и водочных изделий для местного потребления в империи»¹³.

В реальности этим предписанием дело не закончилось¹⁴. Учитывая важность «алкогольного вопроса» для российского общества, можно отметить нацеленность вводимых запретов на перспективу. Но в дальнейшем потребовались постановления, которые были призваны искоренить негативные моменты, появление которых было связано с запретами августа 1914 г.

* * *

Тверская губерния в целом радушно встретила отмену продажи крепких напитков. Так, городская дума уездного города Осташкова сообщила 23 декабря 1914 г. губернатору Бюнтингу: «... что такая величайшая для России реформа, как отмена торговли крепкими напитками, принесла нашему отечеству огромное благо, отрезвляя русский народ и направляя его на путь здоровья и разумного хозяйства»¹⁵. Правление вольной пожарной дружины Осташкова связывало положительное действие этого запрета – с громадным «уменьшением пожарности»¹⁶. Жители посёлка Сонково писали тверскому губернатору, что после закрытия винных лавок «исчезло самое

¹² ТГВ. 1914. № 71. С. 2.

TGV, 1914, № 71, S. 2.

¹³ Там же. 1914. № 72. С. 1.

Ibid, 1914, №72, S. 1.

¹⁴ Тверская губерния в годы первой мировой войны: сб. док. / сост. Г. В. Баруткина и др.; науч. ред., предисловие и комм. В. П. Булдаков. Тверь, 2010. С. 172, прим. 1.

Tverskaya guberniya v gody pervoi mirovoi voiny, sb. dok., pod red. V. P. Buldakova. Tver', 2009, S. 172, prim. 1

¹⁵ ГАТО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 22957. Л. 32.

ГАТО, Ф. 56, Оп. 1, Д. 22957, Л. 32.

¹⁶ Там же. Л. 39.

Ibid, L. 39.

худшее из зол – хулиганство, значительно сократились мелкие кражи и бесчинства», прекратились семейные ссоры, и стало очевидным все зло, которое вносило в жизнь потребление алкоголя¹⁷. Вместе с тем, они опасались, что питейные заведения откроются вновь и усматривали в этом реальную опасность¹⁸.

Органы местного самоуправления в соответствии с законом от 27 сентября 1914 г. стали принимать постановления о запрете торговли крепкими напитками: 18 ноября решение о запрещении торговли спиртными напитками «навсегда» приняла Зубцовская городская дума, 28 ноября – Бежецкое уездное собрание, 16 декабря – Кашинская городская дума, 18 декабря Корчевская городская дума утвердила план открытия питейных заведений «только по окончанию войны», Бежецкая городская дума 19 декабря запретила питейную торговлю «навсегда»¹⁹.

В сентябре 1914 г. решения о закрытии казенных винных лавок были составлены на волостных сходах многих крестьянских обществах²⁰. Любопытно, что Савцинское волостное общество на сходе постановило ввести запрет на работу винной лавки только в дни волостных собраний и в церковные праздники. Акцизное ведомство постановило в связи с этими приговорами закрыть винные лавки по окончании набора новобранцев и после отправки маршевых команд к месту назначения, во время мобилизации казенные винные лавки всё же работали. Частные заведения могли закрываться с согласия владельца и местного общества, что еще раз подтверждает, что продажу крепких напитков удавалось совмещать с «сухим законом».

Трудно определить, были ли решения, принятые земствами, результатом их длительной борьбы с потреблением алкогольных напитков, или же местное самоуправление шло «в ногу» с волей монарха. Уже осенью 1914 г. на местах стала ощущаться некоторая странность создавшейся ситуации. Как написал в «Тверскую газету» некий Иван Гермович из города Ржева: «Со дня закрытия казенных винных лавок жизнь в городе как бы утихла. Затаился тот безшабашный русский разгул, коим сияла физиономия каждого русского городка, деревенского местечка. Точно новое что-то вошло в наш обиход, поселилось между нами, и волей-неволей заставляло мириться с присутствием это “чего-то”, доселя нам неведомого». Между тем указывалось, что зарегистрировано немало случаев отравления теми или иными видами алкоголя – политурой, денатурированным спиртом и даже лекарствами, содержащие хоть небольшую долю алкоголя²¹.

¹⁷ ГАТО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 22957. Л. 195.

ГАТО, Ф. 56, Оп. 1, Д. 22957, Л. 195.

¹⁸ Там же.

Ibidem.

¹⁹ Там же. Л. 30–34.

Ibid, L. 30–34.

²⁰ Там же. Ф. 819. Оп. 1. Д. 7410. Л. 75.

Ibid, F. 819, Op. 1, D. 7410, L. 75.

²¹ Там же. Л. 137 (см. также: Тверская газета. 1914. 27 нояб. № 722. С. 3).

Ibid, L. 137 (sm.: Tverskaya gazeta, 1914, 27 noyabrya, № 722, S. 3).

Неслучайно, с января 1915 г. городские думы гг. Весъегонска и Бежецка, принимая решения о запрете торговли крепкими напитками, допустили торговлю вином крепости не свыше 16 градусов²². 4 февраля 1915 г. управляющий акцизными сборами Тверской губернии направил губернатору два приговора крестьянских обществ Тверского уезда: один из них – об открытии пивной лавки в деревне Гришкино, второй – о закрытии существующих питейных заведений в деревне Столыпино²³. Крестьянские общества, которым до 1914 г. питейные заведения приносили немалые доходы в волостную кассу, расценивали запрет на виноторговлю как временную меру: январём 1915 г. датирован приговор крестьян с. Троицы-Нерль Калязинского уезда о сохранении права содержать трактир после окончания войны²⁴.

Губернские власти в целом положительно оценивали итоги действия принятого запрета: в губернии к концу 1914 г. резко упало потребление спиртного, как и доходы от акцизных сборов²⁵. Однако из отчёта губернатора следует, казённая водка была заменена продажей денатурированного спирта, хотя губернатор объяснял этот факт увеличением потребности в спирте для освещения квартир и торговых помещений²⁶. Между тем он лукавил: из его письма от 15 декабря управляющему акцизными сборами Тверской губернии следует, что «... среди населения замечается употребление в большом количестве денатурированного спирта» и требуются меры к ограничению этого явления²⁷. Губернским уездным исправникам циркулярно губернатор указывал на то, что в некоторых сельских и городских местностях в базарные и праздничные дни открыто продаётся лак и политура, которую разбавляют горячей водой, благодаря чему суррогаты осаждаются, а «спирт, смешанный с горячей водой, заменяет водку»²⁸. Акцизный чиновник сообщал в ответ, что городское население кроме лака и политуры употребляет одеколон и разные смеси, и предлагал поощрять чинов полиции денежными средствами для мотивации их к борьбе с нарушениями обязательных постановлений²⁹.

²² ГАТО. Ф. 819. Оп. 1. Л. 29; Ф. 56. Оп. 1. Д. 22957. Л. 154.

ГАТО, Ф. 819, Оп. 1, Д. 7410, Л. 29; Ф. 56, Оп. 1, Д. 22957, Л. 154.

²³ Там же. Ф. 56. Оп. 1. Д. 22957. Л. 152.

Ibid, F. 56, Op. 1, D. 22957, L. 152.

²⁴ Там же. Л. 162.

Ibid, L. 162.

²⁵ Обзор Тверской губернии за 1914 г. Тверь, б/д.

Obzor Tverskoi gubernii za 1914 g. Tver', b/d.

²⁶ Там же.

Ibidem.

²⁷ ГАТО. Ф. 56. От. 1. Д. 22957. Л. 35.

ГАТО, Ф. 56, Оп. 1, Д. 22957, Л. 35.

²⁸ Там же. Л. 48.

Ibid, L. 48.

²⁹ Там же. Л. 1, 1 об.; ГАТО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 24950.

Ibid, L. 1, 1 ob.

Управляющий акцизными сборами в ответе губернатору предлагал для ограничения пагубного явления обеспечить выдачу талонных книжек, по которым из казенных винных лавок отпускался бы денатурированный спирт (таких лавок в губернии осталось только 32), только «известным лицам», обследовать лиц неизвестных или «не принадлежащих к интеллигентным классам», и не выдавать книжки лицам, «возбуждающим сомнение». В целом «в виду участвовавших случаев опьянения от денатурата» он предлагал регламентировать отпуск спиртосодержащих веществ, книжек и время питейной торговли³⁰.

Сообщения с мест были более утешительными. В Тверском уезде продажа лака и политуры «не производилась». В Бежецком уезде эти вещества продавались с разрешения полиции только тем, кто имел «надобность по ремеслу», а с торговцев полиция взяла подписки – в результате за осенние месяцы не было ни одного задержанного, употреблявшего лак или политуру. Но наряду с этим отмечались случаи опьянения от турецкого спирта, гофмановских капель, которые приобретались в аптеках без рецепта, денатурированного спирта и деревенского пива. В Весьегонском уезде были отмечены только два случая опьянения от политуры, нарушителями оказались «известный алкоголик» и два «случайных» мещанина. В Вышневолоцком, Зубцовском, Калязинском, Кашинском и Новоторжском уездах продажа алкоголя формально не производилась (с торговцев полиция брала соответствующую подписку), опьянение от политуры, денатурированного спирта или одеколона не наблюдалось, а случаи опьянения рабочего люда были единичными³¹.

В Корчевском уезде дело обстояло иначе: здесь употребление политуры даже возросло, при этом полиция не могла установить источники получения населением одурманивающих веществ³². Осташковский уездный исправник сообщал о том, что «... хоть торговцы москательных лавок и обязаны (подписками. – С. Б.) ... бывают случаи задержания лиц в заметно нетрезвом виде преимущественно из ремесленников сапожников и столяров». Исправник сетовал на то, что никакие увещания таким лицам не помогают. Причину такого состояния дел осташковский уездный исправник видел в том, что продажа заменителей алкоголя осуществлялась в «довольно льготных условиях» и в больших количествах. В качестве ограничительной меры он предлагал осуществлять отпуск из аптек по рецепту врача виноградных вин, хинной (английской) водки, коньяка и тому подобных более дорогих напитков³³.

³⁰ ГАТО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 22957. Л. 36, 39–40.

ГАТО, Ф. 56, Оп. 1, Д. 22957, Л. 36, 39–40.

³¹ Там же. Л. 50, 51–51 об., 51 а, 52, 53–55, 57.

Ibid, L. 50, 51–51 об., 51 а, 52, 53–55, 57.

³² Там же. Л. 56.

Ibid, L. 56.

³³ Там же. Л. 58–58 об.

Ibid, L. 58–58 об.

Как же повлияли новые условия на уровень потребления? Ржевский уездный исправник сообщал, что потребление лака и политуры было сравнительно незначительным, и потребляли их лишь в сельской местности, где «невозможно добыть других осветительных и лечебных препаратов, содержащих винный спирт». В городе предпочтение отдавалось гофмановским каплям, киндер-бальзаму и одеколону, которые без затруднений приобретались в аптеках. Но особенное распространение получил денатурированный спирт, как по дешевизне, так и по лёгкости приобретения. Впрочем, денатурат был популярен среди малоимущих горожан, более состоятельные классы, сообщал исправник, получают вина и водочные изделия из других губерний. Аналогичную ситуацию фиксировал и старицкий уездный исправник³⁴.

Судя по опубликованным архивным материалам распространение пьянства в начальный период войны преобладает в рабочей среде. Так, 22 июля 1915 г. тверской полицмейстер докладывал губернатору, что на улицах «много людей, преимущественно фабричных рабочих, в пьяном виде...», которые потребляли денатурат³⁵. Этому сообщению вторит донесение губернатору вышневолоцкого уездного исправника от 22 февраля 1915 г., но с важным уточнением, что рабочие обзаводились квитанциями казенного ведомства, приобретали денатурированный спирт, разбавляли его и пили³⁶.

Однако анализ многочисленных дел по нарушению обязательных постановлений тверского губернатора позволяет утверждать, что самым распространённым правонарушением было появление в общественных местах в состоянии «явного опьянения», а рабочие были лишь одной из «пьющих» групп (табл. 1):

Таблица 1

Статистика нарушений обязательных постановлений губернатора

	1914
Появление в нетрезвом виде	121
Незаконная продажа:	30
денатурат	24
виноградное вино	2
коньяк	1
пиво	2
одеколон	1
Незаконное хранение и продажа крепких напитков	3
Незаконное хранение крепких напитков	4
Незаконное хранение пустой посуды из-под крепких напитков	1
Распитие крепких напитков в общественных местах	–
Допущение распития крепких напитков	3

³⁴ ГАТО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 22957. Л. 60–61.

ГАТО, Ф. 56, Оп. 1, Д. 22957, Л. 60–61.

³⁵ Тверская губерния в годы первой мировой войны. № 242.

Tverskaya guberniya v godu pervoi mirovoi voiny, № 242

³⁶ ГАТО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 22957. Л. 181.

ГАТО, Ф. 56, Оп. 1, Д. 22957, Л. 181.

Незаконный привоз денатурата	–
Хулиганство на почве пьянства	1
Нет данных	4
Всего	167

Очевидно, что на начальном этапе введения ограничений в сфере торговли и потребления крепких напитков (август – декабрь 1914 г.) внимание полиции сосредотачивалось преимущественно на выявлении пьяных в публичных местах. В 1915 г. полиция сосредоточилась на выявлении тайной продажи и борьбе с незаконным привозом денатурата в губернию.

Анализ социального состава нарушителей обязательных постановлений показывает, что их число «из крестьян» достигало 70 %, «из мещан» – 30 %, единичные случаи – «из дворян» и «купцов». Однако это вовсе не означает, что крестьяне по выпивали чаще и больше, и происхождение предопределяло тягу к выпивке. Документы свидетельствуют, что львиная доля правонарушений зафиксирована в городах (Твери, Кашине, Калязине, Зубцове, Ржеве, Торжке, Старице и Осташкове), в сельской местности в 1914 г. отмечено всего 11 случаев появления в нетрезвом виде и незаконной продажи алкоголя. В городах зафиксирован весь спектр указанных в таблице правонарушений, совершенных выходцами из всех социальных групп.

В этой связи более представительной информацией для характеристик правонарушителей являются сведения об их занятиях, имущественном положении и возрасте. Последний в 1914 г. в среднем составлял 33 года, правонарушения совершались достаточно зрелыми людьми (табл. 2).

Таблица 2

**Распределение состава нарушителей обязательных постановлений
по возрастным группам**

Возрастные группы, лет	число	%	% из общего числа наблюдений, учитывая отсутствующие данные
От 18 до 25	33	25	19,7
От 26 до 32	27	20	16,2
От 33 до 39	29	22	17,3
От 40 до 46	23	17	13,7
От 47 до 53	8	6	4,8
От 54 до 60	7	5	4,2
От 61 до 67	3	2	1,8
От 68 до 74	2	2	1,2
От 75	1	1	0,6
	133	100	79,5

Отчётливо видно, что четверть всех правонарушений совершили молодые люди от 18 до 25 лет. Ещё отчётливее «омоложение» портрета «пьяного» правонарушителя проступает в возрастном распределении по видам правонарушения (табл. 3). В этой связи возникает вопрос: влияло ли семейное положение на динамику «пьяных» правонарушений, например, в части появления в пьяном виде в общественных местах (табл. 4):

Таблица 3

Распространение правонарушений в возрастных группах

Возрастная группа, лет	Появление в нетрезвом виде	Хулиганство на почве пьянства	Допущение распития спиртных напитков	Хранение пустой посуды из-под крепких напитков	Незаконное хранение и продажа крепких напитков	Незаконное хранение крепких напитков	Незаконная продажа крепких напитков	Всего
От 18 до 25	33	1	–	–	1	–	1	36
От 26 до 32	21	–	–	–	–	–	–	29
От 33 до 39	25	–	–	–	–	–	3	28
От 40 до 46	11	–	1	–	1	–	6	19
От 47 до 53	3	–	–	–	–	1	4	8
От 54 до 60	4	–	1	–	–	–	1	6
От 61 до 67	2	–	–	–	–	–	–	2
От 68 до 74	–	–	1	–	1	–	–	2
От 75	–	–	–	–	–	–	1	1
Нет данных	14	–	–	1	–	3	14	31*
	121	1	3	1	3	4	30	163

* - без учёта дел с неизвестным характером правонарушения

Таблица 4

Распространение правонарушений в возрастных группах

Семейное положение	Появление в нетрезвом виде	Хулиганство на почве пьянства	Допущение распития спиртных напитков	Хранение пустой посуды из-под крепких напитков	Незаконное хранение и продажа крепких напитков	Незаконное хранение крепких напитков	Незаконная продажа крепких напитков	Всего
Холост	51	1	–	–	–	–	3	55
Незамужем	3*	–	–	–	–	–	–	3
Женат	29	–	–	1	–	1	6	37
Замужем	–	–	–	–	–	–	1	1
Женат, с женой не живет	1	–	–	–	–	–	1	2
Замужем, с мужем не живет	1	–	–	–	–	–	–	1
Вдовец	4	–	–	–	–	–	–	4
Нет данных	32	–	–	–	3	3	19	57
Всего	121	1	–	1	3	4	30	160

* Отметим, что в этом числе – 2 проститутки 28 и 32 лет.

Выявленные данные о семейном положении свидетельствуют, что «пьяным» провинциалом был человек, не обременённый семьёй (рис. 1):

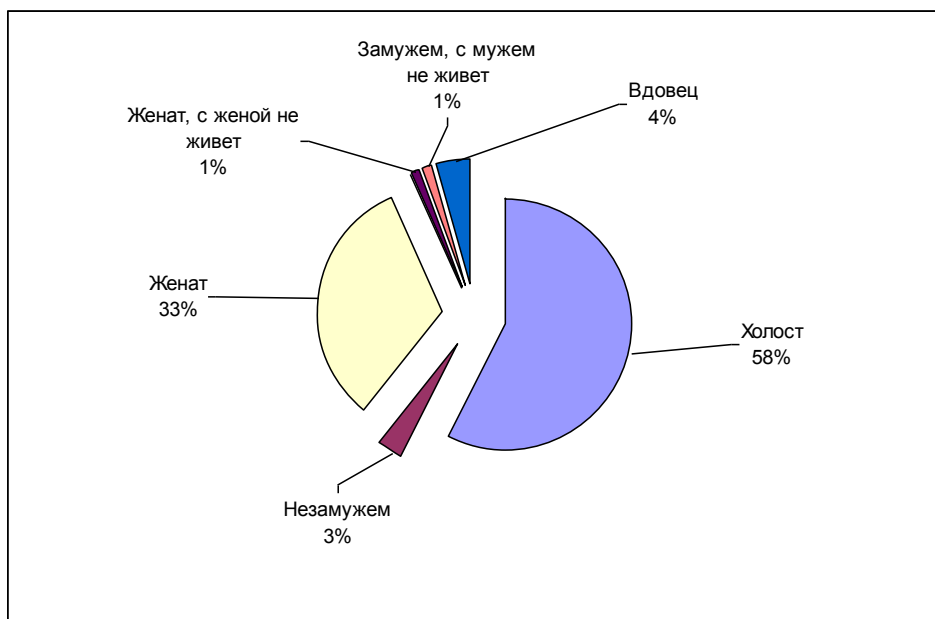

Рис. 1. Долевое соотношение групп по семейному положению среди лиц, задержанных полицией в пьяном виде

Сопоставление численности правонарушений с принадлежностью к социальной группе по роду занятий для 1914 г. представлено в табл. 5:

Таблица 5

Распространение правонарушений в группах населения по занятиям во второй половине 1914 г.

	Появление в нетрезвом виде	Хулиганство на почве пьянства	Допущение распития спиртных напитков	Хранение пустой посуды из под крепких напитков	Незаконное хранение и продажа крепких напитков	Незаконное хранение крепких напитков	Незаконная продажа крепких напитков	Всего
приказчик	–	–	–	–	–	–	2	2
качегар	–	–	–	–	–	–	1	1
чернорабочий	8	–	–	–	–	–	1	9
буфетчик	–	–	–	–	–	–	1	1
без определенных занятий	18	–	–	–	–	–	5	23
содержатель чайной лавки	–	–	–	–	–	2	–	2
собственное хозяйство	3	–	–	–	–	–	1	4
содержатель квасной	–	–	–	–	–	–	1	1
телеграфист	–	–	–	–	–	–	–	0
башмачник	1	–	–	–	–	–	–	1

слесарь	7	–	–	–	–	–	–	7
поденная работа	17	–	–	–	–	–	–	17
рабочий	12	1	–	–	–	–	–	13
аптекарь	–	–	–	–	–	–	1	1
торговка	–	–	–	–	–	–	1	1
хлебопашество	1	–	–	–	–	–	–	1
портной	2	–	–	–	–	–	1	3
проститутка	2	–	–	–	–	–	–	2
шапочный мастер	1	–	–	–	–	–	–	1
позолотчик	3	–	–	–	–	–	–	3
бродяжничество	1	–	–	–	–	–	–	1
дворник	2	–	–	–	–	–	–	2
крестьянство	3	–	–	–	–	–	2	5
служащий	1	–	–	–	–	–	1	2
писарь	1	–	–	–	–	–	–	1
столяр	3	–	–	–	–	–	–	3
кузнец	1	–	–	–	–	–	–	1
огородник	1	–	–	–	–	–	–	1
содержатель гостиницы	1	–	–	–	–	–	–	1
торговец	3	–	–	–	–	–	–	3
торговец-разносчик	1	–	–	–	–	–	–	1
маляр	2	–	–	–	–	–	–	2
рассыльный	1	–	–	–	–	–	–	1
служащий магазина	1	–	–	–	–	–	–	1
содержатель мелочной лавки	–	–	1	–	–	–	–	1
сотрудник химической лаборатории	1	–	–	–	–	–	–	1
содержатель трактира	–	–	1	1	–	–	1	3
служащий в трактире	1	–	–	–	–	–	–	1
сезонный торговец	1	–	–	–	–	–	–	1
содержатель закусочной	–	–	–	–	–	–	1	1
нищенство	3	–	–	–	–	–	–	3
торговец в разнос	1	–	–	–	–	–	–	1
временнонаемный писец	1	–	–	–	–	–	–	1
торговец с лотка	1	–	–	–	–	–	–	1
парикмахер	–	–	–	–	–	–	1	1
торговля	–	–	–	–	–	–	1	1
Итого	106	1	2	1	–	2	22	134

Из данных таблицы следует, что наиболее приверженными к правонарушениям являлись лица «без определенных занятий», подёнщики, ра-

бочие фабрик Товарищества Тверской мануфактуры и чернорабочие. «Распределение» арестантов по принципу занятости (табл. 6) показывает, что главной фигурой в «пьяной» провинциальной жизни во второй половине 1914 г. был неработающий городской обыватель (рис. 2).

Таблица 6

**Распространение правонарушений в группах по характеру заработка
(вторая половина 1914 г.)**

Характер заработка	Появление в нетрезвом виде	Хулиганство на почве пьянства	Допущение распития спиртных напитков	Хранение пустой посуды из-под крепких напитков	Незаконное хранение и продажа крепких напитков	Незаконное хранение крепких напитков	Незаконная продажа крепких напитков	Всего
Не имеющие постоянной работы	49	–	–	–	–	–	6	55
Зарабатывающие ремесленным трудом	13	–	–	–	–	–	2	15
Ведущие собственное хозяйство	8	–	–	–	–	–	3	11
Содержатели заведений	1	–	2	1	–	2	3	9
Торговцы	5	–	–	–	–	–	2	7
Зарабатывающие трудом, требующим специальных навыков	3	–	–	–	–	–	2	5
Зарабатывающие трудом, не требующим специальных навыков	8	–	–	–	–	–	4	12
Рабочие	19	1	–	–	–	–	–	20
Итого	106	1	2	1	0	2	22	134

Анализ имущественного статуса нарушителей «сухого закона» показывает, что в подавляющем большинстве случаев арестанты указывали, что никаким имуществом кроме носимого платья не обладают, живут на «съёмной» квартире или в ночлежном доме. Выясняется также, что наиболее склонными к распитию крепких напитков были бедные городские слои и иждивенцы. Горожане среднего и высокого достатка значительно реже попадались в полицию в пьяном виде (табл. 7).

Из 121 зафиксированного случая появления на публике в состоянии «явного опьянения» только 27 нарушителей (22 %) были охарактеризованы как «имевшие пристрастие к употреблению крепких напитков», все они к тому же не работали на постоянной основе. Наличие постоянно пьющего контингента в составе городского населения, позволяет предположить, что значительного скачка в развитии пьянства в городской среде во второй половине 1914 г. не произошло.

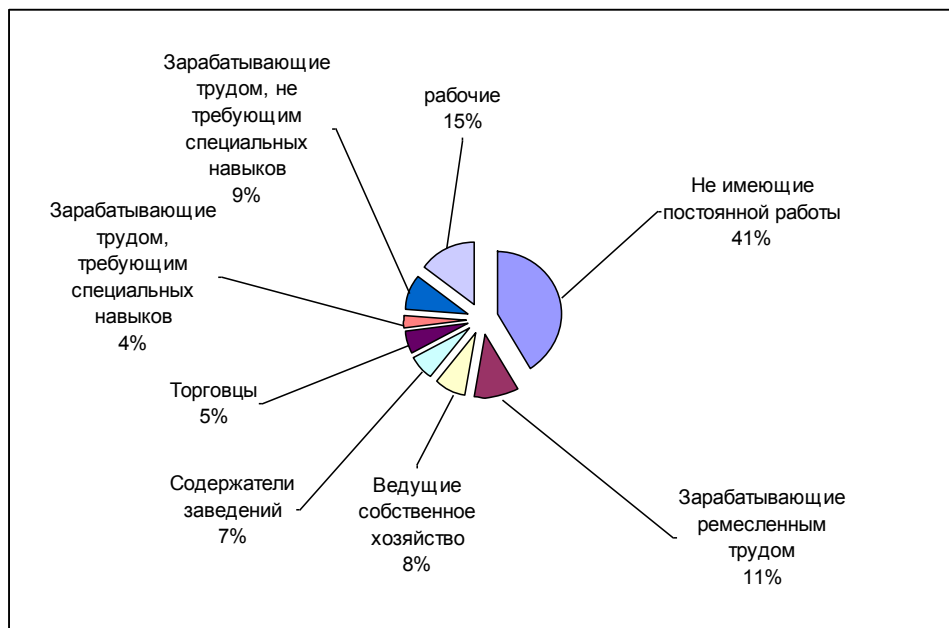

Рис. 2. Доли групп по характеру заработка в нарушениях обязательных постановлений губернатора о крепких напитках (вторая половина 1914 г.)

Таблица 7

Распространение правонарушений в группах городского населения по имущественному статусу арестантов (вторая половина 1914 г.)

	Появление в нетрезвом виде	Хулиганство на почве пьянства	Допущение распития спиртных напитков	Хранение пустой посуды из-под крепких напитков	Незаконное хранение и продажа крепких напитков	Незаконное хранение крепких напитков	Незаконная продажа крепких напитков	Всего
нищенство	1	–	–	–	–	–	–	1
бедный	55	–	–	–	–	–	–	55
иждивенец	17	–	–	–	–	–	4	21
средний достаток	8	–	1	–	–	–	–	9
Состоятельный	2	–	–	–	–	–	–	2
	83	–	1				4	88

Завершая составление «портрета» пьяного провинциального правонарушителя военного времени, следует подчеркнуть, что это городской житель (мужчина) средних лет, выходец из крестьян, не работающий и не имеющий собственного движимого и недвижимого имущества и средств к жизни, как правило, холостой, в ряде случаев ещё в предвоенный период пристрастившийся к крепким напиткам. К этой характеристике можно добавить наблюдения о его культурном уровне: склонный к буйству, хули-

ганству и матерной ругани, оскорблявший не только «обычную» публику, но и чинов полицейского ведомства.

Стоит ли считать подобную персону порождением военного времени? Отнюдь, всё это уже было знакомо деревне, где крестьянские сообщества как могли на протяжении второй половины XIX и в начале XX в. боролись с пьянством. Практически в каждом из сохранившихся приговоров крестьянских обществ просьба о закрытии винной лавки аргументирована дурным влиянием виноторговли на благосостояние, отбывание повинностей, привычку вести хозяйственную деятельность, семейную жизнь и нравственность не только взрослых крестьян, но и крестьянской молодёжи, включая детей. Однако из этого вовсе не следует, что деревня много пила. Так, из данных по Тамбовской губернии следует, что в 1913 г. на каждого взрослого мужчину в год приходилось 1,2 ведра водки, в городе – 4 ведра (!), в Воронежской губернии – соответственно 0,41 и 1,16. В этой связи следует признать, что мнение о поголовном пьянстве в русской деревне не соответствует действительности³⁷. Как отмечает В. Б. Безгин, крестьяне вовсе не были склонны к постоянному пьянству, но в периоды праздников деревню охватывал бесшабашный разгул. Отметим, что крестьянские сообщества через приговоры боролись не с посеместным пьянством, а с тенденцией через пьянство бросать хозяйственную деятельность.

Между тем указанные параметры не должны приниматься как характеризующие всю картину – в противном случае не поддаётся объяснению появление в нетрезвом виде и вполне благопристойных жителей тверских городов. До октября 1914 г. крепкие напитки хорошего качества можно было купить в ренсковых погребах и аптеках по рецептам врачей, но это было дорогим удовольствием. В основном употребляли денатурированный спирт и политуру (табл. 8):

Таблица 8

**Напитки, употребление которых вызывало сильное опьянение
(август–декабрь 1914 г.)**

	Абс.	%
Денатурат	58	46,0
Политура (спиртовой лак)	28	22,2
Виноградное вино	9	7,1
Киндер-бальзам	6	4,8
Пиво	4	3,3
Водка	3	2,5
Спирт (винный спирт)	3	2,5
Гофмановские капли	3	2,5
Рижский бальзам	2	1,6
Вино домашнего приготовления	1	0,9
Микстура на спирту	1	0,9
Квас	1	0,9
Нет данных	6	4,8
	126	100

³⁷ Безгин В. Б. Указ. соч. С. 168.

Bezgin V. B., *Op. cit.*, S. 168

В нормальных условиях денатурированный спирт предназначался для бытовых целей – для горелок, на которых готовилась пища, или для освещения (поэтому в некоторых из изученных случаев его называют «горючий» или «гарный» спирт), политура и лак – для столярных работ. Естественно, их употребление в большом количестве было опасно для жизни. Это обстоятельство позволяет обозначить иную сторону российской «пьяной» повседневности: её основополагающими чертами следует считать не количество употребляемых крепких напитков, а их качество, о чём говорил «автор» винной монополии С. Ю. Витте. Во время «сухого закона» эта проблема обозначилась ещё более отчётливо. Между тем, как показывают материалы, денатурат потребляли в сравнительно небольших объёмах – в большинстве случаев от половины чайной чашки до двух чайных стаканов (иногда указывается «чайная чашка»; цена такого объёма – от 5 до 10 коп.). Упоминалось, что выпивали целую бутылку («винная бутылка» в 0,76 л.) или полубутылку («полуштоф» или водочная бутылка, объёмом в 0,61 л.) разведённого денатурата, напротив, довольно редки (полубутылку денатурата можно было купить по цене от 50 до 80 коп.). Впрочем, объём выпитого спирта зависел от уровня концентрации. Денатурат для улучшения вкуса разводили квасом, иногда добавляя мёд. Политуру или лак заливали горячей водой (или кипятили), подсаживали, взбалтывали, давали отстояться и выпивали не разбавляя³⁸. После употребления суррогата быстро наступало опьянение до потери сознания: отрезвевшие в полицейском каземате не могли вспомнить, что с ними происходило.

Не случайно оборотной стороной «сухого закона» стали летальные исходы после употребления суррогатов. Следует признать, что реальный масштаб смертности установить затруднительно. Но как показывают суточные рапорты тверского полицмейстера, за период с августа по ноябрь 1914 г. только в Твери было зарегистрировано 14 случаев отравления, 6 из которых закончились летально. Большинство из умерших составили ратники государственного ополчения³⁹. Увы, причиной их скорострительной кончины стало «удовлетворение страсти к спиртным напиткам». Отсутствие доступа к водке – недорогому, но качественному крепкому спиртному напитку оборачивалось для имевших пристрастие к выпивке и у выпивавших «по случаю» употреблением суррогатов приводило к печальному итогу – мертвецкому опьянению и, как следствие, нарушению закона.

³⁸ ГАТО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 22666. Л. 5.

ГАТО, Ф. 56, Оп. 1, Д. 22666, Л. 5.

³⁹ Там же. Д. 29004. Л. 23 об.–24, 25 об. –26, 29 об.–30, 37 об.–38, 61 об.–62, 63 об., 65 об., 73 об.–74, 76, 77 об., 81 об., 109 об., 118 об.

Ibid, D. 29004, L. 23 ob.–24, 25 ob. – 26, 29 ob.–30, 37 ob.–38, 61 ob.–62, 63 ob., 65 ob., 73 ob.–74, 76, 77 ob., 81 ob., 109 ob., 118 ob.

Список литературы

1. *Асташов А. Б.* Водка, война, революция: борьба с алкоголизмом в городах России в 1914–1917 гг. // Трезвость и культура. 1993. № 6. С. 3–6.
2. *Безгин В. Б.* Крестьянская повседневность (Традиции конца XIX – начала XX века). М.; Тамбов: Издательство ТГТУ, 2004. С. 166–174.
3. *Мак-Ки А.* Сухой закон в годы Первой мировой войны: причина, концепция и последствия введения сухого закона в России: 1914–1917 гг. // Россия и Первая мировая война: матер. междунар. науч. колл. СПб., 1999. С. 147–159.
4. *Марченя П. П.* «Номо еbrius» в антропологии русской смуты: к постановке проблемы // Философские исследования и современность: сб. науч. тр. / ред. кол. С. Р. Аблеев, П. П. Марченя (отв. ред.), А. В. Чертищев. М.: ИД Акад. им. Н. Е. Жуковского, 2014. Вып. 3. С. 137–162.
5. *Пашков Е. В.* Антиалкогольная кампания в России в годы Первой мировой войны // Вопросы истории. 2010. № 10. С. 80–93.
6. *Щербинин П. П.* Алкоголь в повседневной жизни российской провинции в период Первой мировой войны 1914–1918 годов // Вестник Челябинского университета. Серия 1: История. 2003. № 2. С. 62–72.

«SUHOJ ZAKON» («PROHIBITION») AND VIOLATORS (TVER PROVINCE, AUGUST-DECEMBER 1914)

S. V. Bogdanov

The Tver' State University, The Dept of Russian History, *Tver', Russia*

The article deals with the «prohibition» in 1914 and its implementation in the Tver province in August-December 1914. Author explores published stringent regulations on the sale and consumption of alcohol beverages and archival case of violation of these regulations. Analysis of the binding decisions leads to the conclusion that the state in July-December 1914 did not introduce a total ban on the sale of alcoholic beverages, we can talk about a limited range and places selling alcohol, on the one hand, on the other - on the inadmissibility of public appearances drunkenness. Instead, they used the banned vodka surrogates, but as yet-binding studied data, in most cases - in small quantities. An analysis of archival documents, the author found that to use surrogates and appearance in a public place in a state of extreme intoxication were the most vulnerable to the poor, the unemployed, the young, lonely city dwellers peasants, usually characterized by an addiction to alcohol.

Keywords: «Prohibition», Tver Province, meth, «khanzha».

Об авторе:

БОГДАНОВ Сергей Владимирович – кандидат исторических наук, доцент, кафедра отечественной истории, Тверской государственный университет, (170100, Россия, Тверь, ул. Трёхсвятская, 16/31, кааб. 207), e-mail: serg_bogdanov@mail.ru

About the author:

BOGDANOV Sergei Vladimirovich – The Candidate of History, The Associate Professor, The Dept of Russian History, The Tver' State University (170100, Russia, Tver', Trekhsvyatsky str., 16/31, off. 207), e-mail: serg_bogdanov@mail.ru

References:

- Astashov A. B., *Vodka, voina, revolyutsiya: bor'ba s alkogolizmom v gorodakh Rossii v 1914–1917 gg.*, Trezvest' i kul'tura, 1993, № 6, S. 3–6.
- Bezgin V. B., *Krest'yanskaya povsednevnost' (Traditsii kontsa XIX – nachala XX veka)*, М.; Tambov, 2004, S. 166–174.
- Mak-Ki A., *Sukhoi zakon v gody Pervoi mirovoi voiny: prichina, kontseptsiya i posledstviya vvedeniya sukhogo zakona v Rossii: 1914–1917 gg.*, Rossiya i Pervaya mirovaya voina, materialy mezhdunarodnogo nauchnogo kollokviuma, SPb., 1999. S. 147–159.
- Marchenya P. P., *«Homo ebrius» v antropologii russkoi smuty: k postanovke problemy*, Filosofskie issledovaniya i sovremennost': sbornik nauchnykh trudov, red. kol. S. R. Ableev, P. P. Marchenya (otv. red.), A. V. Chertishchev, М., ID Akad. im. N.E. Zhukovskogo, 2014. Vyp. 3, S. 137–162.
- Pashkov E. V., *Antialkogol'naya kampaniya v Rossii v gody Pervoi mirovoi voiny*, Voprosy istorii, 2010, № 10, S. 80–93.
- Shcherbinin P. P., *Alkogol' v povsednevnoi zhizni rossiiskoi provintsii v period Pervoi mirovoi voiny 1914–1918 godov*, Vestnik Chelyabinskogo universiteta, Seriya 1, Istoriya, 2003, № 2, S. 62–72.

Статья поступила в редакцию 10.10.2014 г.